

мировых религий, проводится автором и при анализе типов священнослужителей (с. 160), и при характеристике пантеона божеств (с. 163), и при изучении форм фиксации канона (с. 163—171).

В главе, посвященной религиозной практике, наиболее важными нам представляются разделы, в которых автор показывает роль музыкальных инструментов в обрядах и трудовых процессах. По-новому трактует Г. Г. Стратанович материал о мистериях и карнавалах.

Огромные перемены произошли в Индокитае за последнее время. Многие из того, о чем пишет автор, ушло в прошлое. Однако несомненно, что написанная с большой любовью и уважением к культуре народов Индокитая книга Г. Г. Стратановича, содержащий в ней материал, интересные выводы и наблюдения будут привлекать внимание многих поколений исследователей.

Р. Ш. Джарылгасинова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

КРУПНЫЙ ВКЛАД В ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКУ

Б. Н. Комиссаров. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774—1852. Л., 1975, 123 с.; его же. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977, 135 с.; его же. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977, 167 с.

Три рецензируемые книги доцента Ленинградского университета Б. Н. Комиссарова касаются широкого круга проблем. до настоящего времени весьма слабо освещенных в советской и зарубежной этнографической, исторической и источниковедческой литературе. Изучение жизни и деятельности родоначальника отечественной американистики, выдающегося путешественника и ученого, академика Г. И. Лангсдорфа, история организованной им экспедиции в Бразилию в 1821—1836 гг.— одного из крупнейших научных предприятий в Южной Америке в XIX в., исследование обширного пласта источников русского происхождения по истории (добавим — и по этнографии) Бразилии первой трети XIX в. находятся в центре внимания автора уже более чем полтора десятилетия. Представляемые читателю книги подводят итоги сделанного. Они тесно связаны между собой и составляют фактически трехтомную монографию о русских исследованиях в Бразилии, нелегкой, порой драматической, судьбе людей, посвятивших себя изучению природы, населения и хозяйства этой страны, научном значении собранных ими материалов. Объединяет книги и другая особенность. Все они написаны на основе огромного материала, автор обследовал около двух десятков русских и зарубежных архивов и рукописных отделов библиотек.

Имя академика Григория Ивановича Лангсдорфа, надолго и несправедливо забытое, было воскрешено усилиями советских ученых после обнаружения его архива в 1930 г. Уже по окончании Великой Отечественной войны Н. Г. Шпринцин подготовила и выпустила работу Г. Г. Манизера, посвященную путешествию Лангсдорфа в Бразилию¹. Однако планомерное изучение биографии ученого и его вклада в науку началось еще позже, с начала 60-х годов, и связано с работами Б. Н. Комиссарова.

Г. И. Лангсдорфа по праву можно назвать ученым-энциклопедистом. Круг его интересов был необычайно широк. Врач по образованию, получивший основательную подготовку также по ряду естественных наук, вдумчивый исследователь природы, минеральных богатств, населения посещенных им стран (прежде всего Бразилии), он оставил огромное научное наследие, представляющее большой интерес для специалистов самых различных отраслей знания. Биография Г. И. Лангсдорфа, впервые воссозданная Б. Н. Комиссаровым, дает ясное представление о личности исследователя, о формировании Лангсдорфа-ученого, об истоках его интересов, о том, как протекала его жизнь, завершившаяся столь трагически (тяжело заболев, он на протяжении почти четверти века, до самой смерти, уже не мог заниматься научной деятельностью). Рассказ об экспедиции в Бразилию составляет часть этого биографического труда — часть органическую, полно и аргументированно показывающую, почему состоялась экспедиция, какое место в жизни исследователя ей принадлежало. Мы видим здесь также, что этнография занимала важное место в широком спектре научных интересов

¹ Г. Г. Манизер. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828). М., 1948. Надо отметить, что впервые Н. Г. Шпринцин обратилась к исследованию истории экспедиции еще в 1936 г.

ученого, причем его внимание привлекало население не только Бразилии, но и островов Тихого океана, Камчатки и т. п.

Обратимся ко второй книге. Предметом ее является самая ранняя русская экспедиция в Бразилию. Вещественными памятниками этой экспедиции остаются уникальные собрания, по сей день украшающие экспозицию Музея антропологии и этнографии АН СССР. Для того чтобы ознакомиться с собраниями по быту и культуре целого ряда индейских племен Бразилии, ученым этой страны следовало бы совершить путешествие в Ленинград: ни один из музеев их родины такими материалами не располагает. Эти коллекции, однако, — самый известный, но далеко не единственный научный результат многолетней экспедиции. Лангсдорф и его спутники много внимания уделили и неиндейскому населению страны — белым, неграм, мулатам, его этнокультурному и этносоциальному облику, межрасовым отношениям. Тысячи километров, пройденных Г. И. Лангсдорфом и его спутниками, позволили им увидеть страну «изнутри», ощутить, как происходило формирование бразильской нации на этом раннем и никакими иными источниками столь подробно и так географически широко не освещенном этапе.

Для того чтобы представить все это читателю, потребовались тщательнейшие и многолетние архивные изыскания, подробнейшие исследования истории и этнографии Бразилии первой трети XIX в. Трудно даже подсчитать, сколько имен, географических названий, реалий содержится в немногих опубликованных и многих ожидающих публикации материалах экспедиции. То, о чем Б. Н. Комиссаров упоминает подчас в нескольких словах, скрывает за собой долгие недели, а то и месяцы работы. Да и в область истории науки, в том числе этнографической, книга вносит очень много нового. Ведь речь идет теперь не просто об экспедиции Лангсдорфа 1821—1828 гг. Автор развернул картину русских исследований в Бразилии на протяжении более чем двух десятилетий XIX в.: 1813—1819 гг. — подготовительные исследования Лангсдорфа; 1821—1829 гг. — экспедиция под его руководством; 1831—1836 гг. — продолжение экспедиции под руководством ботаника Л. Риделя. К книге приложена впервые составленная по документальным данным карта «Маршруты российских исследователей Бразилии в первой трети XIX века».

Даже если бы Б. Н. Комиссаров остановился на уровне первой или второй своей книги, вклад его в науку был бы достаточно велик. Но он сделал еще одно чрезвычайно важное для развития советской латиноамериканистики дело — впервые предпринял исследование русских источников по истории и этнографии Бразилии первой трети XIX в. Такова тема третьей из его книг.

Во-первых, в ней дан глубокий источниковедческий анализ дневников и путевых записок, личной и деловой переписки, описаний, мемуаров, а также рисунков русских кругосветных мореплавателей, посетивших Бразилию в этот период. За 30 лет (1803—1833 гг.) более двух тысяч уроженцев нашей страны побывало в бразильских гаванях. Почти половина исследованных автором материалов мореплавателей впервые введена им в научный оборот. Б. Н. Комиссаров убедительно доказал оригинальность и ценность этих источников.

Во-вторых, исследователь выявил и проанализировал около 450 донесений российских дипломатов и консулов, служивших в Рио-де-Жанейро в 1812—1831 гг. Он показал, что эти документы содержат разнообразную, нередко уникальную информацию, касающуюся политической и социально-экономической истории Бразилии.

В-третьих, наконец, Б. Н. Комиссаров подверг подробному анализу научное наследие участников первой русской экспедиции в Бразилию. Здесь показано не только то место, какое занимает это наследие в общем комплексе русских источников о Бразилии, но и преимущества его перед материалами западноевропейских путешественников. Так, Лангсдорфом было исследовано 150 фазенд (поместий), из которых его зарубежными коллегами было известно едва ли не более 20 (стр. 74). В бумагах Лангсдорфа и его спутников мы встречаем огромный объем ценнейших данных о всех без исключения группах населения Бразилии. Им и его спутниками подробно описано негритянское население — его быт, занятия, его положение в системе рабовладельческой империи. Много места уделил Лангсдорф бразильскому городу. Особенно интересны собранные им сведения об общественном и домашнем быте горожан, межрасовых отношениях. Характеризует Б. Н. Комиссаров и «индейские материалы» экспедиции (оговариваясь, правда, что будет касаться лишь взаимоотношений государства с аборигенами — стр. 90—93).

Помимо оригинальных материалов самой экспедиции до нас дошла и обширная коллекция документов, собранных ее руководителем. Значительная часть этой коллекции посвящена населению страны, точнее трех ее провинций — Минас-Жеранс, Сан-Паулу и Мату-Гросу. Здесь внимание привлекают прежде всего статистические материалы, подробные описания индейских племен, выполненные местными властями (стр. 125—132). Следует особо подчеркнуть, что подавляющее большинство этих документов еще не введено в научный оборот. Нельзя не сказать и об обширной коллекции рисунков, многие из которых имеют первостепенный этнографический интерес.

Как и в других частях книги, в этой ее части можно отметить немало творческих удач автора. Например, он доказывает, что список путевого дневника Э. Флоранса, опубликованный Алфреду Тонзем в 1875—1876 гг., выдержавший затем несколько изданий и ставший общепризнанным источником по этнографии и истории Бразилии 20-х

годов XIX в., является вторичным по отношению к другому списку этого дневника, хранящемуся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, и что последний как источник имеет значительно большую ценность.

Работы Б. Н. Комиссарова представляют собой важный вклад как вообще в латиноамериканистику, так и в этнографию региона. Они выполнены на очень высоком уровне, увлеченно, тщательно, можно даже сказать, скрупулезно. Однако рецензируемые работы, несомненно, выиграли бы, если бы их автору удалось шире познакомиться с материалами архивов Бразилии. Мы, в частности, имеем в виду дневники Л. Риделя 1820—1823 и 1827—1829 гг. и другие его рукописи, обнаруженные бразильской исследовательницей М. Паренте Аугель и хранящиеся в рукописном отделе Национальной библиотеки в Рио-де-Жанейро, а также рисунки Э. Флоранса и А. Тонэя, хранящиеся в различных бразильских собраниях. Было бы интересно изучить геттингенский архив учителя и наставника Лангсдорфа, профессора И. Блуменбаха, рисунки М. Ругендаса, находящиеся в ФРГ, и т. п. Можно высказать и другие подобные пожелания, показывающие, кроме всего прочего, сколь перспективной и плодотворной может быть дальнейшая разработка избранных автором тем.

Исследования Б. Н. Комиссарова, обратившего внимание наших латиноамериканистов на огромные богатства советских архивов (им изучено в общей сложности около 850 источников!), заставляют вновь поднять вопрос о необходимости публикации всего научного наследия Г. И. Лангсдорфа. Подробное его описание было дано автором рецензируемых работ (совместно с Д. Е. Бертельсом и Т. И. Лысенко) уже несколько лет назад². В нашей печати этот вопрос поднимался уже не раз³. Вышедшие после этого три книги Б. Н. Комиссарова свидетельствуют о необходимости безотлагательно решения этой проблемы.

А. Д. Дридзе

² «Материалы экспедиции Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание». Л., 1973

³ С. В. Калесник, Е. М. Лавренко, М. И. Белов, Б. Н. Комиссаров. Выдающийся деятель отечественной науки академик Г. И. Лангсдорф.—«Вестник АН СССР», 1975, № 11.

НАРОДЫ АФРИКИ

Slavery in Africa. Historical and Anthropological Perspectives. Ed. by Susanne Miers and Igor Kopytoff. Madison—London, 1977, 474 p.

За последние годы заметно возросло количество исследований, в которых рассматриваются формы и функционирование отношений неравенства и эксплуатации в докапиталистических обществах Африканского континента. Эти вопросы исследуются как в трудах, посвященных социальной стратификации вообще¹, так и в работах, специально касающихся рабства и рабовладения в доколониальной Африке. Примером может служить вышедшая под редакцией К. Мейяессу книга группы французских ученых². Не остались в стороне от этой проблематики и советские африканисты³.

Такой интерес отражает как объективную логику развития собственно исторической и этнографической науки, так и совершенно определенные практически-политические нужды. В самом деле, сложная и многослойная социальная структура большинства государств Тропической Африки может быть понята только при историко-генетическом ее анализе.

И в этом смысле труд большой группы американских, британских, канадских и африканских исследователей — этнологов, историков и социологов, возглавленной

¹ См., например: A. Tuden and L. Plotnikov (ed.). Social stratification in Africa. N. Y., 1970; A. W. Southall. Stratification in Africa.—L. Plotnikov and A. Tuden (ed.). «Essays in Comparative Social Stratification». Pittsburgh, 1970.

² C. Meillassoux (ed.). L'esclavage en Afrique précoloniale. Paris, 1975.

³ Н. Б. Кочакова. Рабы и кабальные должники в государствах йорубов (конец XVIII — середина XIX в.).—«Проблемы истории Африки». М., 1966, с. 236—258; *её же*. Города-государства йорубов. М., 1968, с. 117—133; Э. С. Львова. Социальная структура государств Куба и Луба (конец XIX в.).—«Социальные структуры доколониальной Африки». М., 1970, с. 160—170; Ю. М. Кобищанов. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития.—«Африка: возникновение отсталости и пути развития». М., 1974, с. 202—214; *её же*. Системы общинного типа.—«Община в Африке. Проблемы типологии». М., 1978, с. 217—232.